

Серафим лежал, погруженный в тягостную задумчивость. Прошло несколько мгновений, прежде чем он поднялся с кровати, прохаживаясь по комнате. Старик, должно быть, не заметил, что Серафим задал вопрос, но не получил ответа. Может быть, ответа просто не было, или старик не предполагал, что Серафим станет задавать подобные вопросы. Если правда то, что старик говорил о палатах, значит, Серафим мог бы заниматься магией в этом доме последние два года. "Черт побери!" - прошептал он. - "Какого черта ему нужно от меня?" Они должны были уехать в полдень, так что у него оставалось время, чтобы придумать план, как избежать дальнейших неприятностей. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошли трое. Двое из них, мгновенно выхватив палочки, готовы были обрушить на Серафима гекс, но он решил оставить этот момент для более подходящего случая. В комнату вошли Рональд Уизли, Гермиона Грейнджер и Джинни Уизли. — Эй, приятель! Как дела? — спросил Рон, голос его звучал чересчур громко. Серафим опустил взгляд и снова натянул на лицо маску печали. — Рон! Он только что вышел из комы, потерял всех своих близких... Как ты думаешь, как он себя чувствует? — Гермиона, с неподдельной заботой в голосе, попыталась унять пыл друга. — Никакого внимания, честно говоря. Я очень сожалею о твоей потере, Гарри. Как ты поживаешь? Ее голос, слишком ласковый, напоминал Серафиму Амбридж, и был столь же раздражающим. Он задумался, всегда ли эти двое вели себя подобным образом, или же они просто старались казаться "нормальными". Джинни бросила на них странный взгляд, затем села на освободившееся место Ремуса, слегка покраснев и время от времени поглядывая на Серафима. — Я в порядке, я думаю. То есть, не то чтобы я их любила или что-то в этом роде, но это просто тяжело, понимаете? В любом случае, сейчас я здесь. Дамблдор сказал, что завтра отвезет меня в более "безопасное" место. Хотел бы я знать, куда. Ведь это под чертовым Фиделиусом, что может быть безопаснее? — спросила Серафима. — Язык, Гарри, и я не знаем. Но если директор говорит, что здесь будет безопаснее, значит, здесь безопаснее. Я не вижу причин сомневаться в этом, он никогда не сбивал тебя с пути. Он преследует твои интересы, Гарри. Поверь в это. Ты должен чувствовать себя польщенным тем, что он так заботится о тебе. И ты сможешь приехать на свой день рождения, верно? Это будет весело, — сказала Гермиона. — Да, мы можем устроить тебе вечеринку и все такое, Гарри. Мама даже показала мне, как печь торты. Я могу сделать их для тебя, — добавила Джинни, покраснев и отвернувшись после своих слов. Серафим лишь кивнул, не обращая внимания на странное поведение Джинни. Остальные трое продолжали обсуждать события последних месяцев, которых было не так уж много. Гермиона волновалась о своих СОВ, Рон без умолку рассказывал о Кэннонах, а Джинни, в основном, молчала, лишь изредка вставляя реплику. Серафим кивал, грустно улыбался или издавал соответствующие звуки, когда это было необходимо, но в мыслях он был далеко. — Ребята, вы знаете, что происходит с Волдемортом? Какие-нибудь нападения? — неожиданно спросил Серафим. — Huh? — Рон ответил, но Гермиона прервала его, едва заметно ударив локтем в живот. Рон согнулся, зашипев от боли. Серафим наблюдал за ними, и их ауры стали видны. Аура Рона, что неудивительно, была оранжевого оттенка, но его контур был грязно-красного цвета. У Серафима сложилось впечатление, что Рон хочет ударить его в ответ, что удивило его. Аура Гермионы, светло-желто-белая с легкими пятнами, и ее контур говорили о том, что она обеспокоена. Вероятно, она подумала, что не успела остановить Рона, но это было не так. — Ой! Извини, Рон, я соскользнула с локтя. Пойдём, может, мадам Помфри даст тебе что-нибудь от живота, — сказала она, таща его за руку. Очертания ее ауры вдруг приобрели точно такой же оранжевый оттенок, как и аура Рона, и Серафим моргнул. — Нет, сюда, ко мне. Ты можешь исправить то, что сделал... — послышалось из коридора, и согласие Гермионы было слышно, пока они не отошли слишком далеко. Странно... Но его размышления были прерваны, когда Джинни неожиданно устроилась у него на коленях и принялась целовать его, потираясь о его ногу и стоная. Серафим уже собирался ответить ей взаимностью, когда до его мозга дошла вся неправильность ситуации, и он столкнул ее на пол. — Какого черта? — сказал он, вставая. — Почему... — начала Джинни, но внезапно остановилась. На ее лице отразилось смущение, а ее

алая и серебряная аура излучала множество эмоций, которые Серафим едва успел определить, как они сменились. Огненно-красный цвет страсти сменился болью, гневом, затем растерянностью, а потом перешёл в понимание и тошнотворно-жёлтый оттенок тошноты. Ее лицо полностью покраснело, и она выбежала из комнаты. 'Чертова психушка! Надо поскорее убираться отсюда', — подумал он, когда еще одно существо дало о себе знать. — Сераф! Сераф, Сераф, Сераф! — раздался взволнованный и обеспокоенный крик из-под кровати. Послышалось какое-то царапанье, прежде чем голова Челеба показалась наружу. — Я так волновался, когда ты не пришел. Я пытался тебя найти, но твой запах закончился на этом пустом месте. Там ужасно пахло. Тогда я попробовал посмотреть, не оставляешь ли ты запах в тених, и он привел меня сюда. Я подумал, что здесь есть люди, которые, возможно, хотят причинить тебе вред, и спрятался под кроватью, — сказал Челеб, явно гордясь собой. — Что это за "тени", как ты пробрался сквозь Фиделиус, наложенный на дом, и был ли ты все это время под кроватью? — спросил Серафим, опасаясь, что что-то может проникнуть сквозь чары, да и Челеб не ел уже больше недели. — Я тоже не ел, если уж на то пошло, — подумал он, когда его желудок издал громкий урчащий звук. — Тени... это тени. Я не знаю, как это лучше объяснить. Вот как мы путешествуем так быстро. Гриммы живут в обоих местах, я думаю, вы могли бы сказать. Есть и другие существа, которые живут там, например, холодные и задохлики. Есть и другие вещи, но мне о них не рассказывали. Даже если ты не оставил запаха на свету, ты оставляешь его на другом. Волшебники оставляют их постоянно, когда переходят с места на место, можно почти увидеть след. А я не знаю, что такое 'Фиделиус', я просто шел по следу. И я оказался там, под землей, или с вулканцем, чтобы поесть. Он тоже за тебя волнуется, — сказал ему Челеб. — Холодные, что ли, дементоры? А второй, наверное, Летифолды. Это не удивительно. Есть над чем подумать. Майса умел сливаться с тенью, должно быть, он это чувствовал. Может быть, он что-то написал об этом... Я рад, что вы нашли меня. Спасибо. Тяжелый, пропитанный гнилью воздух этого дома был моим единственным приютом. Дамблдор сравнивал его с землей после того, как мой кузен, этот мерзавец, убил Хедвиг, мою верную сову. Вы бы, думаю, с ней подружились, такая она была умная и добрая. В общем, родные мои — мертвы, Хедвиг — мертва, а я сейчас обитаю в этом сумасшедшем доме. Но мы уезжаем, очень скоро. Мне нужно кое-что сделать, а потом мы сбежим. Держись в тени, но будь рядом. Серафим решил написать Ремусу, сообщить о предстоящем бегстве и о том, где его найти. Выдернув клоч своих волос, он положил его в конверт. Ремус, надеялся Серафим, почувствует его запах, когда он уйдет. Наложив на волосы чары прилипания, он прикрепил их к внутренней занавеске кровати. Он только что закончил, когда услышал, как миссис Уизли зовет к ужину.